

ЯКОВ КОЛОМИНСКИЙ

**ПСИХОЛОГИЯ:
ПОЭЗИЯ И ПРОЗА ПРЕПОДАВАНИЯ**

(опыт профессорской рефлексии)

Смоленск
«Ноопресс»
2015

УДК 821.161.3 (82-31)
ББК 84(4Бел=Рус)
К66

Коломинский Я. Л.
К 66 Психология: поэзия и проза преподавания / Яков
Коломинский – Смоленск, Ноопресс, 2015. – 293 с.

ISBN 978-5-538-00544-2

УДК 821.161.3 (82-1)
ББК 84(4Бел=Рус)

ISBN 978-5-538-00544-2

© Коломинский Я. Л., 2015
© Оформление «Ноопресс», 2015

*Культура без сердца есть не культура,
а дурная “цивилизация”.*

Иван Ильин

*Красная книга Культуры
отличается от подобной Белой
книги Природы тем, что
ее надо вечно кому-то писать.
Культура – это не лось и не лес,
ее не спасти в заповеднике.
Наоборот, культура умирает,
как жемчуг, без общения
с живым телом.*

Андрей Вознесенский

*Не позволяй душе лениться!
Чтоб воду в ступе не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!*

Николай Заболоцкий

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ.....	5
I. О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ВООБЩЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ, В ЧАСТНОСТИ.....	11
1.1. Психологическая культура и образование.....	26
1.2. Психологическая культура – условие и цель деятельности педагога-психолога.....	31
1.3. Как формируется и как должна формироваться психологическая культура в процессе непрерывного образования.....	44
II. ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ПРЕПОДАВАНИИ ПСИХОЛОГИИ.....	48
2.1. Психологическое значение художественного слова.....	48
2.2. Педагогическое действие художественного слова.....	63
III. МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ.....	89
3.1. Психология педагогического «развода».....	89
3.2. Преднамеренное и непреднамеренное в педагогическом взаимодействии.....	101
3.3. В чем особенности фронтального и диалогического педагогического общения.....	104
3.4. Какова функция учебного предмета в педагогическом взаимодействии.....	107
3.5. Как использовать потенциал «педагогической команды».....	109
3.6. Что же главное в преподавании психологии?.....	113
IV. ВОСПИТЫВАЕМ РЕФЛЕКСИВНО-ДЕЙСТВУЮЩУЮ ЛИЧНОСТЬ.....	126
4.1. Как обучение психологии может помочь в воспитании рефлексивно-действующей личности?.....	126
4.2. Принципы формирования психологической культуры.....	177
4.3. Исполнение ожиданий... психотерапевтических.....	182
4.4. Руководство по выживанию для студентов.....	189
V. ЛЕКЦИЯ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СОНАТА.....	212
VI. ФИНАЛ.....	243
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РОССЫПИ.....	252
Интервью Виктора Семенова с Яковом Львовичем Коломинским.....	252
Времен связующая нить.....	262
Звезда Галины Андреевой (Субъективные почерки и автобиографические заметки).....	269
Как меня редактировали.....	273
Программа «Основы психологии» для учреждений, обеспечивающих получение общего среднего образования, с белорусским и русским языками обучения (X–XI классы).....	279

ВСТУПЛЕНИЕ

Я думаю, что всякие творческие поступки – научные открытия, изобретения и даже... ремонт в квартире имеют одну общую внутреннюю причину – протест, неудовлетворенность тем, что есть, противоречие между надоевшим настоящим и желаемым будущим. «Скука породила Кука», – писал Андрей Вознесенский. Книжки тоже возникают из протеста... Есть такая притча: в финской (или эстонской?) семье мальчик, к ужасу родителей, до 12 лет не произносил ни слова. Однажды во время обеда он гневно отодвинул тарелку и сказал: «Суп пересолен!» – «Чего же ты до сих пор молчал?» – воскликнули пораженные родители. – «А до сих пор все шло, как надо», – был ответ.

Пока кажется, что все идет как надо, нет творчества, нет поступка.

Эта книга, по существу, тоже пишется из протеста. Из протеста против сознательного и неосознанного игнорирования того, что мы дальше будем называть психологической культурой, протеста против психологического невежества, всеобщей психологической неграмотности, которая тиражируется из поколения в поколение.

Я сознательно занимаюсь психологией уже больше чем полвека (кошмар!). По существу, это деятельность, содержанием которой является психологическая культура. (Забавно, что четко осознал я это совсем недавно. Совсем как мольеровский Журден, который лишь в сорок лет понял, что говорит прозой.)

Сначала четыре года в институте я учился психологии, вернее азбуке этой науки, так сказать, ликвидировал свою психологическую неграмотность, а затем учил психологии других – изустно на лекциях для студентов, по радио, телевидению и письменно – в своих книгах и статьях. Вместе с этой психологической проповедью шла и другая линия – научные исследования, в результате которых, как хочется надеяться, осуществлялось добавление чего-то нового к основам психологического знания, к пониманию законов духовной жизни Человека среди людей. А моя книга «Человек: психология» и совсем недавняя «Основы психологии» возникли уже из вполне осознанного протеста против активного психологического невежества, на которое наша школа до сих пор обрекает все новые и новые поколения людей, протеста против того, что изучение человека завершается книгой «Человек: анатомия, физиология, гигиена» (и это все, что следует нам знать о самих себе?!), протеста против того,

что в вечно перегруженных учебных планах школы находится место для лютика едкого и лютика ползучего, для амёбы и эвглены зеленой, для лягушки и крокодила – только для души человеческой не нашлось свободного уголка...

Прав был В. А. Сухомлинский: «Чем больше человек узнает об окружающем мире, тем больше он должен знать о человеке. Пренебрежение к этому очень важному правилу нарушает гармонию между знаниями и нравственностью»¹. Еще более определенно и категорично подчеркивает необходимость психологизации нашей жизни Юрий Рюриков: «Многое сегодня (увы, и сегодня тоже, хотя со времени высказывания прошло больше двадцати лет! – Я. К.) предопределяется тем, что мы живем во времена допсихологической культуры, и все устройство нашей жизни состоит в незнании человеческой природы, на коренном разладе с законами нашей психологии, физиологии, нравственности. Нужна научно-психологическая революция – переустройство всей цивилизации в согласии с природой человека»².

Сегодня лед как будто тронулся. Когда-то я писал о трех книгах школьной психологии (лучше, наверное, сказать – психологии в школе, а еще лучше – психологической культуре в жизни подрастающего человека).

Во-первых, это основательная психологическая подготовка всех учителей (вернее: формирование у них профессионально-психологической культуры). Здесь я не могу не вспомнить один характерный эпизод из истории моей неравной борьбы за психологическую культуру всех учителей – историков и математиков, физиков и филологов и т. д. Ведь все они прежде всего педагоги. А педагог, не владеющий профессиональной психологической культурой, большая опасность для учеников, для их нравственного развития и психологического здоровья. В дальнейшем мы покажем, что педагогическое межличностное взаимодействие опосредуется учебным предметом, носителем которого является учитель.

А пока о другом, о том, как меня чуть не подвел классик. Когда я в очередной раз пришел к позапрошлому руководителю образования республики, чтобы доказать ему необходимость со-

вершенствования психологической культуры будущих учителей всех специальностей, она «сразила» меня «мощным аргументом». «Что Вы беспокоитесь, Яков Львович, ведь еще Ушинский сказал: «Каждый педагог – психолог». Пришлось доказывать, что это утверждение – мечта великого педагога, которую мы должны воплотить в учебных планах вузов.

Я, кажется, где-то писал о том, почему начальство не любит, побаивается психологов. Не хочется иметь возле себя человека, который, может быть, видит тебя сквозь.

Во-вторых, создание в школе института практических психологов (носителей и проводников, проводников, создателей психологической культуры и учеников, и учителей).

В-третьих психология в учебных планах, сначала как практическое освещение на специальных занятиях, а затем как учебный предмет – всеобщее и обязательное обучение всех психологической грамоте, психологической культуре.

В центре здесь – профессиональный практический психолог, педагог-психолог. Он теперь есть во всех учреждениях образования. А психологии в учебных планах все еще нет. И в то же время она пока есть в школе.

Практический педагог-психолог сыграл и играет до сих пор роль троянского коня: он вопреки всему учит детей психологии. Учит в факультативах и кружках, клубах ЗС (самопроверка-самопознание-самовоспитание) и школах психологического атлетизма, студиях «Познай самого себя» и т. п. На наших глазах происходит прежде невиданное явление: предмет внедряется не сверху, путем официального включения его в учебный план «вышестоящими инстанциями», а снизу – школьными психологами. Случай, когда «верхи» еще не понимают и не хотят, а «низы» уже поняли и делают свое дело. Сегодня утверждена министерством программа факультатива по психологии для старшеклассников. Осталось только приступить к преподаванию.

Джинн психологической культуры вышел из заточения. Но как подготовлены к своей великой миссии сам «джинн» – школьный психолог? Как он научен тому, чтобы формировать у своих питомцев психологическую культуру? Ведь в этом случае – лучше ничего, чем плохо.

Фактически эта книга посвящена одной-единственной проблеме: как формировать психологическую культуру или как учить

¹ Сухомлинский В. А. Рождение гражданина. М., 1971. С. 176.

² Рюриков Ю. Б. Мед и яд любви: любовь и семья на сломе времен. М., 2002. С. 12.

ставлений об особенностях восприятия психологической информации, возраста детей и характера самого психологического знания.

Третья часть – собственно методическая. Здесь речь идет о содержании, структуре, методах и приемах формирования психологической культуры на основных возрастных этапах развития человека.

Очень может быть, что эти три основные линии – теоретическая, методологическая и методическая – порой будут перемешиваться, дополнять и аккомпанировать друг другу. Может быть, следовало использовать три разных шрифта? И еще – хорошо было бы снабдить такую книгу видеокассетами с записью образцов устных лекционных выступлений. Поскольку это едва ли возможно, придется довольствоваться стенограммами некоторых лекций, так сказать, для примера.

Читатель, видимо, уже заметил, что мне едва ли удастся придерживаться плавного, строгого и сухого изложения. Возможны лирические отступления, примеры из моих лекций, публицистических выступлений, научных, учебных и научно-художественных книг.

Наряду с Примечаниями, дополнениями, фактами, уточнениями, напоминаниями, здесь найдут место и воспоминания, и фрагменты из ненаписанных «Записок профессора психологии». Книга, наверное, будет похожа на мои лекции. Хорошо это или не очень – судить Читателю.

I. О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ВООБЩЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ В ЧАСТНОСТИ

Уже на первой лекции курса «Методика преподавания психологии» я предупреждаю, что вопреки названию, речь будет прежде всего идти не столько (и не с самого начала!) о преподавании психологии, сколько о *воспитании психологической культуры личности развивающегося человека*. Отсюда неизбежно следует начать с обсуждения самого понятия «культура».

Когда преподаватель приступает к специальному обсуждению понятия, которое входит в «фоновые знания», является элементом «обыденного сознания» студентов, очень полезно начать с вопроса «публике» о том, что народ думает по этому поводу. На этот раз:

– Как вы думаете, что такое «культура»?

(Кстати, это весьма действенный прием активизации восприятия или, лучше, – создания *интерактивной* ситуации, в процессе которой возникает творческое межличностное взаимодействие преподавателя со студентами и студентов между собой. Это один из путей перевода студентов из позиции слушателя (пусть даже активного) в позицию соучастника, а может быть, и со-творца в добывании нового (пусть пока только для него) знания. Обсуждение может быть устным или письменным. Впрочем, это уже «чистая» методика, о которой речь впереди. Но и в этом разделе без нее не обойтись. Да и стоит ли?)

Поток ответов включал, прежде всего, самые различные словосочетания с участием «культуры». (Кстати, читатель может отложить книгу в сторону и произвести такой опыт с самим собой.) Физическая культура, культура поведения, семейно-бытовая культура; музыкальная культура обросла целой гроздью всяких родственных «культур»: певческая культура, исполнительская культура, оперная культура, культура танца; культура речи, культура ума, культура спора, культура чувств, сенсорная культура; культура земледелия, сельско-хозяйственная культура и т. д. Возникли и многочисленные историко-хронологические и этнические ассоциации: древняя культура, средневековая культура, полинезийская культура, белорусская культура, русская культура и т. д. Вспомнили также о культуре «цивилизации»...

В уже упоминавшейся книжке В. П. Зинченко приведены два ряда словосочетаний, которые, к счастью, сохранились в культуре, однако забылись наукой, — с участием понятия «дух».

В первом ряду автор называет его «оптимистическим, вдохновляющим» или духотворяющим»:

«Духосфера», «духовная вертикаль», «духопроводность»... Это начало. Завершается ряд: «Духовное бытие», «Духовная жизнь», «Духовная вселенная». В этом оптимистическом ряду – 65 словосочетаний...

Второй ряд – назовем его «пессимистическим, или точнее, трагическим» – открывается «духовным аристократизмом» (здесь с автором можно было бы не согласиться), дальше – «духовное варварство», «духовная слабость». Завершатся ряд – «духовное небытие», «духовная смерть», «духовная преисподняя». Всего 24 словосочетания⁴.

Со словом «культура» можно создать значительно больше словосочетаний. Учтем при этом, что в списке В. П. Зинченко почти везде вместо слова «духовное» можно поставить «культурное».

В результате первичного обобщения здесь и сейчас был сделан вывод, что всякая деятельность человеческая имеет свою культуру, что «культура» – это и качественная, оценочная характеристика деятельности: ее соответствие определенным нормам, эталонам и стандартам, которые в свою очередь выступают компонентами культуры.

Как остроумно подытожил один студент: «культура – это культура».

Надо было выбирать на поверхность всей этой культурологической пирамиды (я чуть не сказал – хаоса) и ответить на вопрос: *что же такое культура?*

Помню, в мои аспирантские годы приехал к нам в Минск замечательный человек и практический психолог Николай Федорович Добрынин – классик отечественной психологии, предоживший понятие «послепроизвольное внимание». (Потом мне посчастливилось с ним познакомиться поближе. Он даже был первым оппонентом на защите моей кандидатской диссертации.) В своей лекции он рассказал, что швейцарский психолог Э. Кларкред начинал лекции о внимании следующими словами:

– Я знаю, что такое внимание, и вы знаете, что такое внимание, но чем дальше я буду говорить, тем меньше и вы, и я будем понимать, что же такое внимание...

⁴ Зинченко В. П. Аффект и интеллект в образовании. М., 1995. С. 35–37.

Это состояние осознанного «непонимания» – стартовый момент самостоятельной мыслительной деятельности.

Начнем анализ понятия «культура» с общепризнанных падежных и устоявшихся словарных определений. При этом будем отслеживать в них психологическую компоненту.

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова: «Культура» – 1. Совокупность достижений человечества в производственном, общественном и умственном отношении. 2. То же, что культурность... 5. Высокий уровень чего-л., *высокое развитие, умение*⁵.

Мы подчеркнули здесь элементы, в которых можно усмотреть психологическое содержание. Такие в более развернутом виде элементны содержатся и в «Философском энциклопедическом словаре».

«Словарь иностранных слов»: «Культура» (лат. cultura) – 1. совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человеческим обществом и характеризующих определенный уровень развития общества; различают материальную и духовную культуру. 2. уровень, *степень развития*, достигнутая в какой-то отрасли знания или деятельности... 3. *степень общественного и умственного развития*, присущая кому-либо⁶....

Как видим, кое-какие намеки есть и тут. Можно «включиться», например, в «уровень, степень развития» нашей отрасли знания – психологии, и степень умственного развития...

Более содержательные с интересующей нас точки зрения указания содержатся в «Советском энциклопедическом словаре»: «Культура» (от лат. cultura – *возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание*), исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный... в созданных ими материальных и духовных ценностях, включает... *силы и способности, реализуемые в деятельности (знания, умения, навыки, уровень интеллекта, нравственного и эстетического развития, мировоззрение, способы и формы общения людей)*⁷.

Как видим, здесь содержится даже предмет изучения социальной психологии. Правда, как и везде, «психология» по имени не названа.

⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1983. С. 276.

⁶ Комлев П. Г. Словарь иностранных слов. М., 2000. С. 266.

⁷ Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1989. С. 677.

Зато есть здесь «культурная революция» – коренной переворот в духовном развитии страны. (К. р. нельзя смешивать с политической кампанией, во 2-й пол. 60-х гг. в Китае)⁸.

Может быть, стоило бы осуществить у нас психолого-культурную или культурно-психологическую революцию? Нет, уж лучше обойтись Эволюцией!

В «Философском энциклопедическом словаре» психологическое содержание понятия «культура» можно усмотреть в упоминании о «системе социальных норм и учреждений, ... в совокупности отношений людей к природе, между собой и самим себе...».

Культуру характеризуют также особенности поведения, сознания и деятельности людей в конкретных сферах общественной жизни социальной группы... или всего общества в целом⁹.

Наряду с понятием «культура» широкое распространение имеет понятие «цивилизация». В этом же словаре ему дается следующее толкование: (от лат. *civilis* – гражданский, государственный) 1. синоним культуры... употребляется также для обозначения материальной культуры; 2. уровень, ступень общественного развития материальной и духовной культуры (античная ц.); 3. ступень общественного развития, следующая за варварством¹⁰.

Кстати, нередко «культуру» и «цивилизацию» противопоставляют: у некоего круга людей есть все признаки цивилизации – автомобили, компьютеры, мобильные телефоны и т. д. и т. п., но нет культуры. Может быть, уместно обсудить противоречивую ситуацию и по поводу психологической культуры и «психологической цивилизации», если под таковой подразумевать, во-первых, технологические атрибуты психологических кабинетов и лабораторий – компьютеры, приборы и пробирки, во-вторых, наборы текстов, опросников и т. д., а также технологические приемы психотропного воздействия.

В книге В. П. Зинченко и Е. Б. Моргунова «Человек развивающийся»¹¹ есть специальная глава «Психология в контексте культуры и цивилизации». Рекомендуем с этой прекрасной самостоя-

⁸ Там же. С. 677.

⁹ Философский энциклопедический словарь / главная редакция: Л. Ф. Ильичев [и др.]. М., 1983. С. 292.

¹⁰ Там же. С. 765.

¹¹ Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. М., 1994.

тельной работой познакомиться. Мы же пока ограничимся приведенными здесь метафорическими высказываниями русского писателя М. Пришвина о соотношении «культуры» и «цивилизации». Лучше классика не скажешь!

«Культура – это связь людей, цивилизация – это сила вещей. Например, в «Капитале» К. Маркса представлена эта сила вещей, выступающая в виде золотой куколки, заключающей в себе и любовь, и знание, и все другие атрибуты человеческой личности. Антитеза этой капиталистической силы вещей, или цивилизации, есть совокупность творческих личностей, связь людей культуры...»

Цивилизация является как сила внешнего принуждения культуры – это проявляется во внутри-личном побуждении. Цивилизация действует через стандарт – культура создает детали. Наука первая пошла на службу цивилизации, и потому в широком представлении вся наука является как бы ответчицей за стандарт цивилизации.

Для художника жизнь на земле – это единство, и каждое событие – это целое, но ведь надо все-таки носить в себе целое, чтобы узнать его проявления в частном. Это целое есть единство личности: надо быть личностью, чтобы узнавать это проявление целого в частном. Что же такое деталь? Это есть проявление целого в частном¹².

Дальше М. М. Пришвин приводит два примечательных ряда понятий, которые ярко высвечивают различия между цивилизацией и культурой:

«Размножение–государство–производство–цивилизация;
Личность–общество–творчество–культура»¹³.

Немало поучительного для обсуждаемой нами проблемы – что же такое культура? – можно обнаружить в совершенно необозримом море сборников, монографий, полемических очерков и т. д. В этом море легко утонуть самому и утопить основное содержание. Ограничимся лишь некоторыми примерами.

Интересные для нас рассуждения о поляризации духовной культуры содержатся в публицистических работах английского писателя Чарльза Сноу, собранных в книге с характерным названием «Две культуры»¹⁴.

¹² Там же. С. 17.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Сноу Ч. Две культуры: сборник публицистических работ. М., 1973.

«На одном полюсе – культура, созданная наукой. Она действительно существует как определенная культура не только в интеллектуальном, но и в антропологическом смысле. Это значит, что те, кто к ней причастен, не нуждаются в том, чтобы полностью понимать друг друга, что и случается довольно часто. Биологи, например, сплошь и рядом не имеют не малейшего представления о современной физике. Но биологов и физиков объединяет общее отношение к миру; у них одинаковый стиль и одинаковые нормы поведения, аналогичные подходы к проблемам и родственные исходные позиции»¹⁵.

«На другом полюсе отношение к жизни гораздо более разнообразно. Совершенно очевидно, что, если кто-нибудь захочет совершить путешествие в мир интеллигенции, проделав путь от физиков к писателям, он встретит множество различных мнений и чувств. Но я думаю, что полюс абсолютного непонимания науки не может не влиять на всю сферу своего притяжения. Абсолютное непонимание, распространенное гораздо шире, чем мы думаем, – в силу привычки мы просто этого не замечаем, – придает привкус ненаучности всей традиционной культуре, и часто – чаще, чем мы предполагаем, – эта ненаучность едва удерживается на грани антинаучности...

Поляризация культуры – очевидная потеря для всех нас»¹⁶.

Культура «физиков» и культура «лириков»? Кстати, Ч. Сноу признает, что «психологией ученые интересуются в такой же мере, как и большинство интеллигентов, хотя иногда мне кажется, что интерес к этой области появляется у них сравнительно поздно»¹⁷.

Я думаю, что автор здесь выразился весьма тактично, но не совсем точно: у большинства ученых «интерес к этой области», т. е. к психологии, вообще отсутствует. И не мудрено! Они точно так же не осведомлены (хотел написать – невежественны) в области психологии, как и остальные выпускники средней и высшей школы, магистратуры, аспирантуры и докторантуры. Впрочем, противопоставление двух культур не совсем корректно и совсем не абсолютно. Порой мне легче обсуждать общепсихологические проблемы с фи-

¹⁵ Там же. С. 24.

¹⁶ Там же. С. 25.

¹⁷ Там же. С. 27.

зикими, математиками, филологами и т. д., чем с профессиональными психологами, которые нередко так узко направлены в свою профессиональную область, что не склонны делать «шаг влево» или «шаг вправо». Так, специалисты по «психологии уха-горла-носа» (выражение А. Г. Асмолова) воспринимают рассуждения в области психологии личности или социальной психологии как ненаучные или слишком популярные. Может быть, подлинная психологическая культура и узкая психологическая профессионализация (цивилизация?) – две вещи не совсем «совместимые»?

Концепция двух культур, предложенная Ч. Сноу, такая ясная и, на первый взгляд, бесспорная, на самом деле, по мнению В. П. Зинченко и Е. Б. Моргунова, таковой не является. С их точки зрения, она является очередным мифом XX в., а «мифы время от времени следует развеивать, иначе они превращаются в «архетипы культуры», в «схематизмы сознания» и затем, подобно теоретически сконструированным Фрейдом неврозам, распространяются, оседают и обнаруживаются в реальности, оказывая на культуру обратное влияние»¹⁸. Эти высказывания представляются для нас принципиально важными, может быть, не столько с точки зрения критики концепции «двух культур», сколько с позиции положения, о котором речь у нас пойдет дальше, когда мы будем обсуждать «проблему взаимодействия концептуальной, теоретически оформленной, зафиксированной психологической культуры и житейской, инстинктивной, повседневной психологической культурой. Скажем сразу, здесь наблюдается движение «снизу вверх» и «сверху вниз». В процитированном тексте речь идет о движении теоретической конструкции «вниз» в структуру обыденного сознания.

Авторы далее развивают весьма плодотворные идеи о единстве культуры и опасности ее бесконечной дифференциации.

«Культура, по определению, едина, универсальна, интегральна. Наука и техника входят в нее в качестве составной части или, наоборот, элемента, в котором должно быть отражено целое, т. е. культура. Если этого нет, то наука и техника оказываются вне культуры. А последнее не имеет степеней. Оппозицией культуре может быть только бескультурие. Нет культуры второго сорта. Несмотря на простоту и кажущуюся привлекательность, постановка «проблемы

¹⁸ Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. М., 1994. С. 30.

двух культур», принадлежавшая Чарльзу Сноу, является принципиально ложной. Мало этого, она открывает возможность дальнейшей трудно предсказуемой дифференциации культуры на виды, подвиды, что равносильно ее разрушению как целого¹⁹.

Что касается опасностей дифференциации, то, во-первых, она неизбежна, а порой, как известно, необходима и полезна, если не подменять частью целого и не подменять первое вторым, а во-вторых, тут уж, как говорится, ничего не поделаешь, «процесс пошел».

В своей новой книге «Сознание и творческий акт»²⁰ Владимир Петрович приводит 21 высказывание о культуре «с тем, чтобы создать у читателя некоторое обманное представление (не определенное) о таком многогранном явлении, как «живая культура»²¹. Некоторые из этих высказываний я не могу не привести:

«Культура – это язык, объединяющий человечество» (Павел Флоренский).

«Вся человеческая культура до сих пор остается протестом против смерти и разрушения...» (Вяч. В. Иванов).

«Культура... слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» (Э. Б. Тайлор).

Далее В. П. Зинченко приводит высказывание Ю. М. Лотмана, которое для нас, как это будет ясно из нашего дальнейшего изложения, имеет особое значение: «Я представляю себе культуру не в образе механически соположенных различных видов искусства, науки и т. д., а как некое органическое целое, если угодно, некое живое существо, сложно соотношенное как со своим окружением, так и со своим прошлым и будущим. Вопрос усложняется еще и тем, что входящие в культуры элементы (различные искусства, духовные достижения и т. д.) не заключены в ней, как какие-то предметы в мешке, а, скорее, напоминают органы единого организма, связанные и конфликтующие одновременно».

Можно предположить, что психологическая культура является важным, живым органом целостной человеческой культуры. В

¹⁹ Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. М., 1994. С. 30.

²⁰ Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010.

²¹ Там же. С. 336.

другом месте Ю. М. Лотман говорит о взаимодействии, лучше сказать, неразрывности науки и искусства. Мы обязательно еще оценим эти слова, когда у нас речь пойдет о литературно-художественном моделировании внутреннего мира человека в процессе преподавания психологии.

«...наука и искусство – это как бы два глаза человеческой культуры. Обладая одним глазом, человечество бы обладало, как и одноглазый человек, неким плоским и однолинейным знанием: именно «разнооснованность» искусства и науки и создает объемность нашего знания»²².

Мне хотелось бы завершить это культурологическое повествование очень емким определением из учебника «Психология», созданного санкт-петербургскими психологами: «Культура – это то, что люди делают с природой, с собой, как ведут себя по отношению к окружающим, к самим себе и что они при этом думают и говорят»²³.

Так и хочется добавить только одно слово: «Психологическая».

В последнее десятилетие анализ понятия «культура» в самых различных аспектах стала предметом совершенно необъятной науки – культурологии. Как справедливо отмечают А. В. Брушлинский и П. Н. Шихирев во вступительной статье «О пользе вечных истин» в книге С. Московичи «Машина, творящая богов»: «**Необычайно расширившись культурология, вплоть до угрозы поглощения ею социологию, социальную психологию и даже философию; возродилась с новой силой поясом универсалий человеческого поведения, что, что объединяет, а не разделяет людей в мире; исключительно активными стали нравственные проблемы в политике и экономике, материальную силу таких неосозаемых психологических факторов общественной жизни, как доверие, признают самые убежденные материалисты, в целом заметно возросла роль морально-психологического способа социальной регуляции поведения по сравнению с чисто экономической стимуляцией»²⁴.**

Я бы вместо слов «морально-психологического способа...» с удовольствием написал бы «культурно-психологического» в духе

²² Лотман Ю. М. Воспитание души. СПб., 2003. С. 522.

²³ Психология. Учебник / Под ред. А. А. Крылова. М., 1998. С. 25.

²⁴ Брушлинский А. В., Шихирев П. Н. О пользе вечных истин // Машина, творящая богов / С. Московичи. М., 1998. С. 13.

пока еще не изложенной здесь концепции «культурно-психологического опосредования». При этом автор (в смысле я), как принято говорить, отдает себе отчет в двух вещах: во-первых, он вносит вклад в «разрастание» культурологии до новой области – психологической культурологии (науки о психологической культуре); во-вторых, пользуясь преимуществом первопроходца, излагает ее авторский вариант. Впрочем, в таком же положении ощущают себя и прочие культурологи. Недаром, как подчеркивает В. М. Розин в учебнике «Введение в культурологию», «в культурологии столько теорий, сколько крупных культурологов. Например, есть «семиотические» версии культуры (здесь достаточно назвать имя Ю. Лотмана), «литературоведческие» (М. Бахтин, С. Аверинцев), «диалогические» (В. Библер), «исторические» (Л. Баткин, А. Гуревич), «методологические» (А. Кребер, К. Клакхон), «антропологические» (М. Мид) и т. д. И внутри каждой научно-дисциплинарной версии понимание культуры порой существенно отличается. Наличие многих теорий культуры и неоднородный характер культурологии приводит некоторых культурологов к парадоксальному выводу о том, что не существует вообще такого объекта, как культура, во всяком случае в том же смысле, в котором мы говорим про объекты естественных наук»²⁵.

В мои задачи совершенно не входит дискуссия по поводу общих проблем культурологии. Для обоснования концепции психологической культуры мы хотели бы, во-первых, показать на некоторых примерах, как психологические реалии включаются в культурологические исследования, во-вторых, посмотреть, как определяют культуру сами психологи.

Стоит отметить, что сам В. М. Розин является представителем «психологической» культурологии. Правда, самого понятия «психологическая культура» в названных работах В. М. Розина нет, хотя в его очерке «Любовь» квалифицируется в скобках как «культурно-психологический анализ»²⁶.

²⁵ Розин В. М. Введение в культурологию : учебник. М., 2000. С. 11–12.

²⁶ Розин В. М. Любовь и сексуальность в культуре, семье и взглядах на половое воспитание. М., 1999. С. 179.

Примером того, что серьезные культурологические исследования не могут не включать психологические категории, может служить книга И. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры»²⁷.

Автор дает традиционное общее определение культуры: «Культура – «вторая природа», творимая людьми в процессе их общественной практики»²⁸.

Для нас дальше чрезвычайно важным представляется разработка категорий, картина, образ или «модель мира», в которую включаются психологические компоненты: «модель мира» – достаточно устойчивое образование, определяющее человеческие восприятия и переживания действительности в течение длительного периода.

Универсальными категориями культуры, «без которых она невозможна и которыми она пронизана во всех своих творениях. Но вместе с тем и определяющие категории человеческого сознания. Мы имеем в виду такие понятия и формы восприятия действительности, как время, пространство, изменение, причина, судьба, знание, отношение, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому... Эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода «модель мира» – ту «сетку координат», при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании»²⁹.

Автор показывает, как «модель мира», складывающаяся в данном обществе, «управляет» поведением человека, преобразует чувства и впечатления, идущие от внешнего мира в данные своего внутреннего опыта.

Мы думаем, что весьма существенной составляющей этой «модели мира» является психологическая культура личности, психологическая культура общества, которая опосредует и определяет то, что можно было бы назвать психологическим мировоззрением. Анализируя средневековое искусство, произведения мастеров живописи, архитектуры, литературы, автор ставит главный для нас в этом контексте вопрос: «Как видят мир эти мастера?». Можно было

²⁷ Гуревич И. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

²⁸ Там же С. 40.

²⁹ Там же С. 15–16.

бы сказать, что они видят мир сквозь призму своей психологической культуры. Так ответили бы мы сегодня на вопрос, который прежде поставили в своих давних книгах^{30, 31}.

Обсуждалась проблема истории возникновения науки о детстве. Для того, чтобы возникла специальная наука об особенностях психики подрастающего человека – детская психология, необходимо было открыть одну простую истину: ребенок – это не маленький взрослый, не его уменьшенная копия: *необходимо было изменить взгляд на детство* (подчеркнуто сегодня Я. К.). Это изменение можно проследить не только в науке, но и в искусстве.

В книге «Человек: психология» я так описываю этот процесс. «...Рассматривая картины старых и даже не очень старых мастеров, на которых изображены дети, можно прийти к выводу, что рисовали их в те времена очень своеобразно, а попросту говоря, не очень умело. Нет, с технической и, так сказать, с физиологической стороны все эти младенцы, принцы, инфанты, княжны и т. д. выписаны безукоризненно: переданы нежные оттенки цвета и тона детской кожи, прекрасно воссозданы все окружности, как живые выются мягкие кудряшки... Но с психологической стороны все это на редкость неинтересно: дети либо выглядят как уменьшенные копии взрослых, либо лишены личностного своеобразия».

Впрочем, в средневековой, например, живописи, как отмечают специалисты, и взрослые изображены своеобразно. Не было портрета. Художники, конечно, подмечали индивидуальные черты человеческих лиц и были способны их передать. Дело здесь не в умении, а в задачах, которые ставились, в особенностях подхода к личности у художников того времени». Сегодня я бы объяснил эти «особенности подхода» психологической культурой, психологическим мировосприятием художников того времени. В этом же ключе можно усмотреть и особенности изображения детства писателями. Почти все интересные книги о детстве были созданы не раньше XIX века! А во второй половине XIX века появились и первые научные исследования по детской психологии. Кстати, и детей в это время научились изображать.

³⁰ Коломинский Я. Л. Беседы о тайнах психики. Мн., 1990. С. 40.

³¹ Коломинский Я. Л. Человек: психология. Мн., 1998. С. 53.

Случайное совпадение? Едва ли. А что, если это отражение того явления: люди изменили точку зрения на детство. На детей стали смотреть как на маленьких взрослых, перестали, сравнивая себя с детьми, рассуждать по принципу «больше-меньше», «оно-хуже»... Постепенно стало ясно: у детей качественно свойственный внутренний мир и «счастливая, невозвратимая пора детства» – это пора, наполненная такими могучими впечатлениями, желаниями и стремлениями, что потом человек всю жизнь испытывает на них влияние...

Перед взрослым, как бы заново открылась неведомая прежде «Детство».

Культурно-психологические установки, которые определили форму изображения детей средневековыми художниками, когда существовало представление о детстве как особом состоянии нека и детей воспринимали как маленьких взрослых», обусловили и, так сказать, прочие декодирования: восприятие сегодняшними зрителями детских образов на картинах старых мастеров.

Во время одного из последних посещений Дрезденской галереи я был свидетелем, вернее, даже пассивным участником характерной, как потом выяснилось, сцены. Экскурсовод подвела группу туристов к картине Ван-Дейка, на которой была изображена женская семья.

Как вы думаете, – обратилась она к публике, – сколько лет этой девочке – инфанте?

– Двенадцать, четырнадцать! – меньше не давал никто.

– Вы ошиблись, – удовлетворенно заметила экскурсовод, – ей всего-навсего шесть лет!

Я в дискуссии не участвовал, потому что знал, в чем здесь дело...

Представители интересного направления в исторической науке – исторической психологии, которые вдохновлены культурно-исторической теорией Л. С. Выготского, анализируя особенности «жизни мира» людей различных эпох, совершенно справедливо считают, что «необходимо принять во внимание историчность самих механизмов психической жизни, важнейших психических процессов восприятия и воображения, мышления и речи, памяти и самосознания, законов познавательной деятельности и эмоциональной жизни».

Автор книги «Историк и социология» Б. Н. Миронов считает, что «недоучет исторического характера психологии человека не

может не приводить к навязыванию людям прошлого мотивов, оснований и резонов поведения, которые свойственны современному человеку»³².

С нашей точки зрения, речь идет об историчности психологической культуры личности, которая опосредует взгляд человека на себя и на других. Отсюда и характерное для многих обществ и, как об этом мы уже говорили, игнорирование детства как особого качественного состояния, которое выразилось в изображении детей, как маленьких взрослых. Б. Н. Миронов усматривает и другое основание для объяснения слитности в сознании людей средневековья понятий детства и взрослости. Он считает, что игнорирование детства определялось не только тем, что средневековому человеку была чужда идея развития и изменения, но и тем, что в психологическом отношении дети и взрослые в средневековом обществе отличались друг от друга не столь существенно (или, во всяком случае, имели больше общего, чем взрослые и дети в современных индустриально развитых странах)³³.

«Недостаточно сильное фактическое различие в психологическом отношении взрослых и детей, возможно, и послужило дополнительным основанием для того, что дети с семилетнего возраста... вливались в большую семью взрослых... к XVIII в., когда взрослые стали значительно отличаться от детей в психологическом отношении... дети перестали быть их партнерами, и постепенно по мере роста этого различия — *между миром взрослых и миром детей возникла стена* (подчеркнуто мною, Я. К.), которая преодолевалась длительным процессом образования и воспитания»³⁴. Автор этого предположения о «преодолении стены», конечно, оптимист. Стена существует до сих пор. И по обе стороны ее возникли разные культуры: культура взрослых, которую они склонны считать единственной и культура детства, детская субкультура, или, по выражению М. В. Осориной, «секретный мир детей». Мы в дальнейшем специально рассмотрим эту субкультуру в аспекте ее культурно-психологических компонентов.

Собственно говоря, исследования, которые составляют содержание этой книги, весь ее пафос и сверхзадача состоит как раз

³² Миронов Б. Н. Историк и социология. Л., 1984. С. 170.

³³ Миронов Б. Н. Историк и социология. Л., 1984. С. 139.

³⁴ Там же. С. 140.

и, чтобы эту нерушимую границу между педагогами и детьми, большими и маленькими людьми, во-первых, изучить, а во-вторых (и это велись исследования!), научиться ее преодолевать. Во всяком случае, не углублять ее из-за недопонимания и неумелости.

Таким образом, границы двух миров никогда не были наглухо заперты и между ними всегда осуществлялось многообразное взаимодействие: мир детства всегда во многом определялся «взрослостью», которая ассимилировалась в преобразованном, символизированном виде. Об этом, в частности, свидетельствуют исследования по теории детской игры. Согласно гипотезе Б. Д. Эльмана, творческая игра, которая, по нашему мнению, является основным элементом детской субкультуры вообще и психологической в частности, возникла в ситуации четкой дифференциации миров. Когда мир взрослых усложняется до такой степени, что взрослые уже не могут принимать здесь непосредственное участие, они приходят к нему в символической опосредованной форме игровой деятельности. К обсуждению вопроса о культурно-психологической сущности этой деятельности мы еще вернемся.

Формирование психологической культуры всех участников воспитательного процесса в учреждении образования — главная, а может быть, и единственная задача психолога. Формировать, развивать психологическую культуру — это значит научить подрастающего человека и тех, с кем он общается — педагогов и родителей — воспитывать самих себя, успешно действовать в двух мирах своего существования: внутриличностном и межличностном пространствах взаимоотношений и общения с другими людьми.

Формирование психологической культуры определяет и решает другую важнейшую задачу — сохранения и укрепления психического здоровья детей, родителей и воспитателей. Оно создает благоприятный психологический климат во всех сферах воспитательного процесса, создает почву для эмоционального благополучия во внутреннем мире детей, воспитателей и родителей. Эта книга адресована воспитателям детских садов, учителям начальных классов, родителям и будущим педагогам — студентам.

1.1. Психологическая культура и образование

Уже долгие годы на всевозможных психологических съездах, конференциях, симпозиумах и совещаниях я неизменно прошу слова. И, чему бы ни было посвящено высокое собрание, возвращаю его внимание к неразрешаемой, скорее даже, к неразрешимой проблеме — психологи в нашем обществе. Эта проблема оборачивается не менее прочно заблокированной ситуацией — трудной судьбой психологии в нашей школе. Под понятием «школа» мы подразумеваем и дошкольные учреждения, где тоже воспитывают и учат. Уже стало общим (но от повторения не менее болезненным!) местом приводить ошеломляющие цифры нашего отставания от цивилизованных стран по числу психологов на душу населения. Душа-то у нас есть, а настоящих специалистов по ее изучению (и врачеванию) очень мало. Не менее традиционно и объяснение причин, по которым мы оказались страной сплошной психологической неграмотности, психологического бескультурья. Приходится и здесь повторяться, поскольку дело с омертвевшей за долгие десятилетия культурой и застою «точки замерзания» не сдвинулось. Чаще всего (и совершенно справедливо!) воинствующий антипсихологизм нашего общества связывали с культом одной личности, что неизбежно ведет к пренебрежению и полному отсутствию внимания к внутреннему миру всех остальных личностей, у которых, как предполагалось, «вместо сердца — пламенный мотор». Здесь не психологи требовались, а механики, вооруженные гаечными ключами и другими железными атрибутами своей профессии. Может быть, когда в стране культ, в ней отсутствует культура, особенно психологическая. Авторитарное общество не востребует психологию вообще и социальную психологию в особенности: зачем вдаваться в «дебра» психологии управления, психологии групп и коллективов, психологии толпы? Все очень просто в административно-командном сознании и бюрократической карательной практике: начальник командует — masses подчиняется. И никакой психологии. Не потому ли многие, уже вроде бы и обновленные и осененные знаменами «нового мышления» правоохранительные органы оказались бессильными, когда столкнулись с крайними, порой кровавыми, проявлениями той самой массовой психологии, психологии толпы, от которой все так упорно отмахивались и открепчивались?

Видимо, знамена легче обновить, чем реально перестроить собственную психологию, тем более что она не тронута никаким

психологическим образованием, настоящей психологической культурой.

Когда речь идет о ликвидации неграмотности в любой области общества начинается со школы. Так, сегодня ведется широкая кампания под лозунгом «Компьютерной неграмотности — бой!». И сразу соответствующий учебный предмет, журнал, подготовка специалистов по информатике в вузах. Правда, существует «небольшое препятствие» — нет школьных компьютеров... Здесь психологическим усилиям ликвидировать неграмотность в своей сфере, несомненно, выпрыгивает ей, конечно, тоже нужны приборы и те же компьютеры, но главное-то всегда под рукой.

Итак, какими видятся пути психологизации любой школы — школьного сада до вуза? Здесь не обойтись без традиционных книг, которые она должна опираться. Первый кит — это психологическое обучение педагогов, формирование у них профессиональной психологической культуры и соответствующей непрерывной подготовки и переподготовки в системе повышения квалификации. Результат — воплощение мечты Ушинского («Каждый педагог — психолог!»), и гордый восклицательный знак после этих слов — сегодняшний горестный и почти безнадежный знак вопроса.

Увы, для скептицизма в этой области оснований больше чем достаточно. Напомним только два. Начнем с количественного, с количеством отведенных на изучение психологии. Здесь количество неизменно переходит в качество: увы, в низкое качество психологической подготовки будущих педагогов.

И прощу уважаемого читателя принять участие в простеньком эксперименте: попробуйте воспроизвести в памяти научные сведения сивирского вузовского курса общей психологии, хотя бы из книги «Память». Результат, в общем-то, можно предсказать. Я как-то даже такой ответ: «Память? Ну, это надо иметь хорошую память». А когда я на курсах повышения квалификации работников образования попросил уточнить этот тезис, мой собеседник уверенно добавил: «У кого хорошая память, тому легко учиться» (отметив научной строгости ради, что этот учитель окончил пединститут). Мы здесь не касаемся важных проблем, заслуживающих особого разговора: того обстоятельства, что и заочник получает университетский диплом установленного образца, хотя каждый знает цену, а также бытующей в сознании и практике школьных и ву-

зовских педагогов переоценки роли памяти и недооценки значения творческого мышления.

Дело в том, что агрессивные житейские психологические познания (о них — чуть позже) катастрофически быстро подминают и подменяют неустойчивую систему психологических понятий, приобретенных на студенческой скамье. А происходит это во многом потому, что психология подается так, что она не работает в реальной педагогической деятельности учителя. Из-за функционализма, присущего нашей вузовской (да и академической) психологии, перед будущим учителем, изучающим психологию, мелькают процессы, свойства и состояния, а целостная личность ребенка безнадежно ускользает. Мы напоминаем начинающего часовщика, который разобрав сложный механизм, добросовестно описал все его части, но запустить не в состоянии: часы не тикают.

А ведь предполагается, что, изучив материал психологических курсов, включенный в учебные планы факультетов пединституты и университетов, будущий учитель математики, физики, биологии и других учебных дисциплин овладеет психологией, психологической культурой до такой степени, что сможет решить следующие задачи. Во-первых, сможет самостоятельно, «на уровне» современных психологических знаний о законах познавательной деятельности строить преподавание своего предмета; во-вторых, на основе современных данных формировать личность ребенка в процессе обучения и воспитания; в-третьих, на базе знания законов и владения методами дифференциальной психологии будет в состоянии осуществить диагностику способностей детей к изучению той или иной дисциплины; в-четвертых, используя достижения социальной психологии, сможет руководить межличностными отношениями учеников, осмысливать и корректировать стиль своего общения с ними и другими педагогами; и, наконец, в-пятых, исходя из своей общей психологической подготовки, будет в состоянии организовать работу по психологическому просвещению детей и их родителей. Этот перечень первостепенных задач, которые приходится решать любому педагогу на базе вузовской психологической подготовки, далеко не исчерпывает ежедневных психологических проблем.

Современные педагогические вузы, их психологические кафедры пока не в состоянии решить задачу подготовки такого педагога-психолога: для этого они не располагают ни достаточным фондом учебных часов, ни материальной составляющей (отсутствуют

аудитории, стандартизированные наборы методик и т. д.), ни уровнем разработанности практической психологии. Недостаточный уровень своей психологической подготовки осознают сами педагоги-новодители школ.

Мы провели специальное исследование, в процессе которого разработали анкета. Ее заполнили свыше 300 директоров средних и свыше 500 директоров восьмилетних школ, завучей школ, инспекторов и учителей. Выяснилось, что большинство не удовлетворено уровнем вузовской подготовки учителей по психологии. Вот некоторые из типичных высказываний: «Как правило, учителя школ — специалисты по своему предмету, но плохие воспитатели и руководители детских коллективов из-за недостаточности знаний по психологии» (директор школы, стаж 7 лет). «Много ошибок в работе, просчетов из-за недостатка психологических знаний» (директор школы, стаж 12 лет). «Учителя по вопросам психологии не получили достаточную подготовку и нуждаются в настоящей, систематической помощи» (директор школы, стаж 25 лет). «Недостаточная подготовка школьного учителя в области психологии» (директор, педагогический стаж 31 год, директорский стаж 21 год). «В практической деятельности мы допускаем больше всего промахов из-за отсутствия у учителей и директоров должной подготовки по психологии» (директор школы, педагогический стаж 27 лет, директорский — 17 лет). «Очевидно, что в наше время усложняются деловые отношения между людьми, возрастает роль психологических факторов, человеческих отношений. К этому нужно людей готовить с целью создания здорового психологического климата в отношениях администрация—учителя—ученики» (он же).

В таком же положении и мастера производственного обучения — руководители кружков, спортивных клубов и художественных студий — это чаще всего специалисты, не имеющие педагогическо-педагогической, психологической подготовки. Фактически не имеют такой психолого-педагогической подготовки, а следовательно, и психологической культуры и медицинские работники. А она в условиях современного учреждения необходима абсолютно всем сотрудникам, включая и так называемый технический персонал. Это очень важно для создания в учреждении педагогической, грамотно выстроенной в психологическом отношении атмосферы (с нашей точки зрения, вообще деление сотрудников на педагогов и не педагогов весьма условно). Передко гораздо сильнее может повлиять на

подростка не педагог по должности, не учитель, преподаватель, и, например, мастер. Ясно, что социально-психологическая служба это второй кит и школьной, и дошкольной психологии.

Спрос на психологию очень велик. Заметим, кстати, что именно этот не удовлетворяемый государственными учреждениями спрос порождает еще один дефицит — дефицит на квалифицированную психологическую помощь, следствием чего стало появление на стоящей «теневого» психологии. По всей стране дрейфуют случайные непрофессиональные тесты и опросники, превратившиеся в руках недобросовестных «холодных психологов» в средство наживы. Все это, естественно, дискредитирует научную практическую психологию. Есть только один путь для удовлетворения потребности в психологии — создание государственной психологической службы.

Третий кит, может быть даже главный, — это психология как учебный предмет и психологическая пропедевтика как необходимая часть дошкольного и школьного образования. Положение здесь прямо-таки драматическое, даже трагическое. Для всего есть место в учебном плане школы: ученики узнают про лютика едкий и лютика ползучий, штудируют зоологию, химию и т. д. А вот изучение человека века заканчивается анатомией, физиологией и гигиеной. Учебник такой есть — на обложке крупно: «Человек», а потом — мелкими литерами — «анатомия, физиология и гигиена». Из протеста я даже написал для школьников книгу «Человек: психология» и программу этого предмета.

Постоянно идут разговоры о сознательном выборе профессии. Подразумевается, что этот выбор можно осуществить без глубокого понимания своего внутреннего мира, своих стремлений, способностей и склонностей; без ориентации на неведомые ученикам психологические требования, которые каждый вид деятельности предъявляет к психике, личности работника. Говорим о самовоспитании, но мало что сообщаем подросткам-юношам об «устройстве» внутреннего мира, о тех интеллектуальных, нравственных и эмоционально-волевых качествах личности, которые им следовало бы у себя воспитывать. В результате выходят в жизнь, становятся отцами и матерями, врачами и инженерами поколения за поколениями, у которых отняли если не душу, то представление о ней, не сформировали у них психологическую культуру. Что же такое психологическая культура, какое место занимает она в деятельности школьного психолога да и педагога тоже? Попробуем в этом разобраться.

Психологическая культура — условие и цель деятельности педагога-психолога

Интенсивное развитие практической психологии в нашей стране очень хорошая, но в то же время довольно опасная. Иногда чувствующим себя людьми, выпустившими джинна из бутылки, всегда тревожно за судьбу того, что мы сейчас делаем. Развитие практической психологии в нашей республике впечатляет, и, к сожалению, мы находимся сейчас на очень хорошем месте даже не быть в мировом сообществе. Особенно в части использования новейших технологий и внедрения психологии в образование.

Мне довелось принять участие в Международном конгрессе психологии в Сан-Франциско, где собрались психологи со всего мира. Там была одна интересная секция, которая должна была рассмотреть вопрос, как ООН способствует развитию психологии. Представители различных стран. Все они говорили о том, что психология развивается слабо, что нет того, нет другого, что не помогает, и т. д.

Когда мне было предоставлено слово, я сказал, что в нашей стране, находящейся в центре Европы (о которой можно сказать, например, что она находится между Польшей и Россией — что Россия находится между Беларусью и Китаем), в любое время законодательно есть возможность иметь практическую психологию на всех этапах образования, включая детский сад, школу, профессиональную школу и вуз. Это первое. Потом я сказал, что у нас готовят большой отряд практических психологов среднего образования и что у нас систематически выпускается журнал «Психология». И в зале раздались по этому поводу бурные аплодисменты.

Эти аплодисменты были единственными аплодисментами, которые, кроме открытия и закрытия, звучали на этой конференции. То есть, чтобы мы с вами, как говорят мои очень образованные аспиранты, порефлексировали, извините за выражение, а попросту говоря, подумали, осмыслили тот уровень, ту ступеньку, на которой мы сейчас находимся. Это очень важно, потому что нам надо сверить часы и осмыслить, каким образом дальше нужно развивать практическую психологию образования, какими должны быть методологические, теоретические основы нашей практической деятельности. Нужно, чтобы понять, как следует готовить практического педагога-психолога и в какой ситуации он находится и должен пребы-

вать в структуре педагогических коллективов тех учебных заведений и учреждений, где работает.

Мне показалось полезным обсудить вопрос, стоящий сейчас в повестке дня развития психологии. Это вопрос о психологической культуре личности. При этом психологическая культура, с нашей точки зрения, во-первых, является условием деятельности практического психолога, той основой, на которой он строит свою деятельность, и во-вторых, служит целью деятельности практического психолога. Вокруг этих вопросов я и попробую построить нашу беседу.

Прежде всего, я думаю, есть смысл обсудить само понятие «психологическая культура личности». Что это такое? Дело в том, что очень часто те или иные слова и словосочетания от повседневного использования как бы утрачивают свой концептуальный, теоретический смысл. У нас на слуху большое количество сочетаний со словом «культура». Мы говорим: «экологическая культура», «эстетическая культура», «этическая культура», даже, если хотите, «гастрономическая культура» и т. д.

Словосочетание «психологическая культура» используется значительно реже. И ни в одном сегодняшнем психологическом словаре, да и во всяком другом, нет этого понятия. Даже в очень интересной книге нашего московского коллеги В. М. Розина, которая, казалось бы, посвящена культуре, нет понятия «психологическая культура»³⁵. В то же время это та реальность, в которой мы существуем. Некоторые намеки на психологическую культуру мы можем найти в различного рода общих определениях культуры. Например, в определении культуры, приведенном в Советском энциклопедическом словаре, сказано следующее: «культура» — от лат. «cultura», что означает «возделывание», «воспитание», «образование», «развитие», «почитание». «Это специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм, учреждений, духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой, к самим себе»³⁶. Таким образом, мы видим, что в состав этого определения уже входят некоторые культурно-психологические элементы, очень важные для нас.

³⁵ Розин В. М. Психология и культурное развитие человека. М., 1994.

³⁶ Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1989. С. 677.

может быть, дать содержательное, краткое определение психологической культуры пока не представляется возможным. Конечно, сказать, что психологическая культура — это уровень самости человечества и своеобразная мера, определяющая отношение человека к окружающим людям, к самому себе, к природе. Но мы поступим иначе. Лучше сделаем анализ структуры психологической культуры, и это будет полезнее, чем давать короткое определение. Прежде всего отмечу, что психологическая культура включает в себя два основных компонента, два основных блока. Первый — теоретический, или теоретико-концептуальный, второй блок, который я называю практическим, или собственно психологической деятельностью. Первый блок психологической культуры «аккумулирует» результаты теоретической деятельности. Именно в классические труды в области психологии, предельно сформировавшийся корпус психологического самопознания, то, что мы знаем о себе до начала нового столетия, узнали о себе. Кстати, краткое определение культуры содержится в учебнике, составленном моими сотрудниками Санкт-Петербургского университета³⁷. Оно таково: «культура — это то, что люди делают с природой, делают с другими людьми и что они при этом думают и чувствуют».

Второй блок культуры часто на этом останавливаются. Считается, что психологическая культура — это теория познания человеком самого себя. Это далеко не все.

Важной частью психологической культуры является и то, что называется психологической деятельностью. Что это такое? Психологическая деятельность — это деятельность по психологическому самообслуживанию. Это та деятельность человека, которую он обращает внутрь самого себя, деятельность, обволакивающая его собственный внутренний мир. Это работа самопознания, связанная с формированием собственных внутренних инстинктов. Это труд, сопряженный со способностью преодолеть те или иные внутренние сложности, существующие у человека, и это деятельность, выходящая за пределы личности, то есть межличностная. Теория тоже, как мы дальше увидим, опосредуется психологической культурой.

Рассмотрение именно психологической работы человека по себе как деятельности в частном случае очень выразительно, и мой взгляд, определил Федор Василюк в своей книге о психологии переживания. Он прямо говорит, что «переживание понимается нами как особая деятельность, особая работа по перестройке психологического мира, направленная на становление смыслового соотношения между сознанием и бытием»³⁸ и т. д. Как видите, это, фактически, та внутренняя работа, которой занимается человек в своем внутреннем мире.

Таким образом, в состав психологической культуры входят эти основные составляющие: блок теоретико-концептуальный и блок, связанный с психологической деятельностью.

Психологическая культура имеет два основных уровня. Во-первых, уровень теоретический — та психология, психотерапия и теория воздействия людей друг на друга, разработанная специалистами и ставшая достоянием науки. Во-вторых — доконцептуальная психологическая культура, можно сказать, житейская психологическая культура. Это психологическая культура, которую народ создает до психологов, без психологов и помимо психологов. Нам надо хорошо понять, что в этом смысле каждый человек — психолог, и каждый сам себе — психологическая лаборатория.

Чуть-чуть забегаю вперед, отмечу, что формирование психологической культуры — это выстраивание методологических мостиков между тем опытом человека, в котором он выработал свою психологическую культуру, и научным уровнем психологической культуры.

Чтобы яснее представить, что имеется в виду под естественной психологической культурой и культурой как бы книжной, теоретической, проведу маленькую аналогию. Есть мировая музыкальная культура. Это произведения великих композиторов, музыковедов, историков музыки и т. д. Это то, чему учат в консерваториях. А есть огромный пласт музыкальной культуры народа, проявляющийся в его песнях, частушках, во всем том, что составляет музыкальную стихию народа.

И эти два пласта, конечно же, очень интенсивно взаимодействуют. Здесь весьма уместно вспомнить слова Евгения Баратынского:

*Старательно мы наблюдаем свет,
Старательно людей мы наблюдаем
И чудеса постигнуть уповаем:
Какой же плод науки долгих лет?
Что, наконец, подсмотрят очи зорки?
Что, наконец, поймет надменный ум
На высоте всех ступеней и дум,
Что? Точно ли смысл народной поговорки.*

И Глинка говорил, что музыку создает народ, а мы, композиторы, только преобразуем, транжируем. Психологию создает народ. А психологи по мере своих сил и способностей фиксируют, осмысливают, обобщают его психологически. Думаю, мы вправе заявить: если какой-то психологический феномен не представлен ни в народном творчестве, ни в творчестве великих поэтов и писателей, значит, этого нет вообще в природе. Если то, что психолог формулирует в своих теоретических работах, не представлено в реальной человеческой жизни, тем хуже психология. Поэтому между житейской культурой, доконцептуальной психологической культурой и культурой психологической, теоретической существует очень сложное и интересное взаимодействие. Мы эти взаимодействия видим на каждом шагу, наблюдая, как те или иные концептуальные некоторые понятия переходят на уровень житейский. Происходит, как красиво и сложно сказал Б. Вальтер, «повседневное»³⁹. То есть книжные термины входят в житейскую повседневность. Приведу пример такого движения из области доконцептуальной в доконцептуальный слой. Возьмем различные понятия из психоанализа. Если вы смотрите американские кино телефильмы (а вы их, конечно, смотрите, потому что просто больше нечего смотреть), то слышите там огромное количество различных реминисценций, высказываний, связанных, конечно, с психоанализом. Говорят, что этот преступник потому совершил преступление, что у него была жестокая мама или трудное детство. Все время демонстрируется взгляд назад, идет движение в

³⁸ Василюк Ф. Е. Психология переживания. М., 1984. С. 18.

³⁹ Вальтер Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. Социология, антропология, метафизика. Вып. 1. М., 1991.

детство. Или беспрерывно муссируются, предположим, различные рода комплексы. Кто-то констатирует: «У меня нет комплекса неполноценности». Другой вторит: «А у меня нет комплекса вины». Третий еще что-нибудь интересное скажет. Была даже телевизионная передача «Лолита. Без комплексов». Я наблюдал и у нас, причем не всем не в кино, такие «прогрессивные» тенденции. Я слышал у помрачительные неологизмы, когда один человек о другом говорит: «Он вообще комплексун, а она комплексунья (или комплексуха)». В Минске одно время был мебельный магазин под названием «Фрейд-мунд Фрейд». Может быть, там торговали кушетками?

То есть из научных теорий некоторые понятия «идут вперед» и активно используются. И это очень важно.

Этого, конечно, очень мало, потому что наша наука несет на себе печать прежней, доперестроечной психологии. Тогда мы говорили, что у нас психология «ухо-горло-носа», а психология личности и социальная психология — это нам не очень-то интересно, потому что каждый человек — «винтик», а какая там душа и все прочее у «винтика»? Недавно прочитал интересную вещь — отрывок из сочинений Т. Д. Лысенко. Он высказывался очень четко и прямо: «В Советском Союзе люди не рождаются, у нас рождаются организмы, а потом мы уже из них делаем академиков и т. д.». Естественно, здесь же автор одновременно разоблачал классическую генетику.

В каких продуктах существует житейская психология? Она существует в виде двух основных пластов: в виде житейских понятий и в виде реальных житейских способов личной саморегуляции и других форм психологической деятельности. Причем как раз житейские понятия — это те самые понятия, о которых говорил Л. С. Выготский. Они обладают определенными свойствами, и в связи с тем, что их никто специально не вырабатывает, их усваивают стихийно в процессе непосредственного общения.

Изучение житейского, психологического тезауруса, житейской, психологической мудрости или житейской психологической нравственности — это очень важная интересная задача, которую необходимо решать. Почему? Потому что специалисты-практики работают не с учеными-психологами, а с детьми, с родителями — такими «потребителями» психологии, которые никогда специально психологию не изучали. И практики должны знать, какая же у этого контингента *психологическая преобразованность*, что люди знают в какую «почву» специалисты сеют. Как говорят по-белорусски

«не на камешке», то есть, иными словами, зерна книжки падают на уже засеянную почву, и профессионалы знают, как эти две стихии — книжная, теоретическая и «популярно-психологическая» — сосуществуют.

Можно опереться на очень интересную концепцию замечательного французского психолога Сержа Московичи — концепцию социальных представлений. Что такое социальные представления, которые народ имеет относительно тех социальных объектов. Автором этой концепции было проведено исследование того, как, например, воспринимается концептуализируется психоанализ во Франции⁴⁰. Переходивший из теоретического статуса в обыденный социальный объект как четырехтактовое движение.

Вот так и, как полагает Московичи, наиболее «броский» социальный объект — *дифференциация научных знаний и феноменов*: «каждая социальная группа ассоциируется с поименно названными людьми, которые являются их символом: психоанализ с Фрейдом, относительно физиологии — Павловым и т. д.»⁴¹. Персонализация превращает чужеродные ситуации в ситуации знакомые (вплоть до теории статус непосредственности. Передача письменных текстов в устные сообщения радикально увеличивает дистанцию между воспринимающим индивидом и предметом восприятия. Московичи предполагает существование тенденции к «переворачиванию» свойственного научному познанию процесса к обезличиванию в присущую здравому смыслу личностно-эмоциональную формулу конкретного знания.

Второй так — *отбор и деконтекстуализация* элементов научной теории (знания). Научная теория препарируется. Отдельные элементы отщипываются от присущего им профессионального или контекстуального контекста и помещаются в структуру имеющихся у населения представлений. Так, психоаналитические утверждения могут восприниматься как экстравагантные и помещаться в разряд неадекватных. В некоторых случаях им может быть уготована роль судьбы интерпретативных схем повседневного гендерного поведения.

⁴⁰ J. L. La psychanalyse, son image et son public, 2e éd., Paris, puf, 1976.

⁴¹ J. L. Hewstone M. De la science au sens commun // Moscovici S. (ed.) La psychanalyse, P., 1984, P. 553.

Первоначально представление научной теории формируется как контуры явления, ментальное изображение его наиболее значимых черт. Постепенно первоначальный эскиз превращается в то, что Московичи назвал «фигуративной схемой» представления, то есть образную форму. Фигуративная схема — опора восприятия, общеперцептивная форма упаковки материала. Формирование такой «фигуративной схемы», «образного ядра» представления составляет третий такт в движении научного знания, итогом которого является **схематичная визуализация** научных идей и понятий.

В следующем, четвертом такте происходит «натурализация» (онтизация) фигуративной схемы. «Фигуративная схема, совершенно отделенная от объекта, перестает быть абстрактной конструкцией, а становится его непосредственным выражением»⁴². «Непосредственность» понимается как отрыв представления от реального явления и приобретение этим феноменом свойств объективности. «В данном случае, — уточняет Московичи, — речь идет о придании образу материальной плотности, о нахождении его места в онтологической структуре здравого смысла, ни о чем более»⁴³.

Для нас данные исследований С. Московичи были очень показательными и интересными.

Теперь, на основе только что изложенной концепции психологической культуры, предлагаю сделать два дальнейших шага. Первый шаг — это реализация идеи о культурно-психологическом средовании межличностных взаимодействий во всех социальных системах. Вы чувствуете, конечно же, в самом понятии «культурно-психологическое» влияние Л. С. Выготского: его культурно-исторической концепцией развития человеческой психики. Но культурно-исторический путь проходит не только сама психика, но и ее отражение в психологических теориях и концепциях.

Что же это значит? Это еще один аспект преодоления «постулата непосредственности». Человеку на его эмпирическом уровне представляется, что он общается с другим человеком без, так сказать, посредников, «фейс ту фейс», лицом к лицу. Но на самом деле это глубокая иллюзия: непосредственных межличностных контактов

⁴² Moscovici S. (ed.) Introduction a la psychologie sociale. Paris, 1972. P. 316.

⁴³ Moscovici S., Hewstone M. De la science au sens commun // Moscovici S. (ed.) Psychologie sociale. P., 1984. — P. 555.

существуют. Все социальные контакты, все акты коммуникации, это бытие, самых примитивных, витально обусловленных, в том смысле психологических знаний, психологических инстинктов, которые есть у личности. Значит, между мной и другим «стоят» мои и его слои представлений о том, что такое добро или зло от природы, что можно себе позволить к этому человеку и т. д. И у меня, и у него есть инстинкты. Два этих слоя, две эти «призмы», сквозь которые проходят наши представления о себе и других, определяют наши отношения друг к другу, и наши воздействия друг на друга. Эти слои — не только детские, но и профессиональные влияния на личность.

Психологическая культура существует в нескольких аспектах, например, **политическая культура** с фоновыми знаниями в области истории, имеющимися у любого человека, и профессионально-педагогическая культура, то есть **профессионально-педагогическая культура** педагога, врача, юриста, инженера. Все это имеет этот профессионально-психологический слой. Это покачать это на педагогической модели. Какие у человека отношения к ребенку, каков образ ребенка в его сознании, каково отношение его отношения к ребенку, так он с ним и поступает.

В истории зафиксированы несколько типов детско-родительских отношений. Когда-то в древности был стиль отношения к ребенку, позволявший его убивать или бросать. Или стиль, известный «норм» христианско-кальвинистской морали, учившей, что ребенок — продукт греха, несущий в себе греховное начало, поэтому воспитание должно выбить из него этот грех. Отсюда и жестокость воспитания. Или, например, стиль воспитания, основанный на доктрине локковской «табула раса», исходящий из принципа, что ребенок — «чистая доска», поэтому воспитатель может все, что угодно, делать с ним. Или совершенно иная стратегия педагогического воздействия, основанная на идее «свободного воспитания», основанная на идее, что все выходит совершенным из рук Творца и все что нужно сделать — это не мешать. Это тоже совсем другое воспитание. Есть третий подход, когда мы исповедуем гуманистическо-педагогические взгляды, диктующие помогающий стиль.

Вспомните, воспитатель может абсолютно не знать ничего про ребенка, но он это впитал с молоком матери. Или, например, при всем уважении к моему доброму товарищу Игорю Се-

меновичу Кону хочу ему очень серьезно возразить вот в каком ношении: он рисует, ссылаясь на Л. Демоза, эти разные подходы воспитанию как некие стили, исторически сменяющие друг друга. Ничего подобного, они сосуществуют у нас все вместе. Уголовно-хроника сегодня фиксирует и убивающий стиль по отношению к ребенку, и бросающий, и жестокость и т. д. Дело в том, что все устаревшие и зачастую негуманные подходы к ребенку до сих пор живут. Надо это понимать и на их место ставить другие, прогрессивные, гуманистические подходы в воспитании.

Новые стили и подходы реализуются благодаря языку, на котором люди общаются. Здесь имеет значение и родной язык, первое слово которого мы слышим при рождении, и научный язык, способный донести, предложить новые, более выверенные, соответствующие новому времени и новым взглядам научные истины.

В. Гумбольдт верно подметил: «Так как восприятие и деятельность человека зависят от его представлений, то его отношение к предметам целиком обусловлено языком. Тем же самым актом, посредством которого он создает язык, человек отдает себя в его власть: каждый язык описывает вокруг народа, к которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг»⁴⁴.

Э. Сепир дополняет этот тезис: «Язык служит руководством к восприятию социальной действительности... Мир, в котором живут обществу, общественные обетования, говорящие на разных языках представляют собой различные миры, а не один и тот же мир с различными этикетками...»⁴⁵.

Как различаются в историческом контексте стили воспитания и даже восприятия ребенка, так неодинаковы и образы детей в разные эпохи. Обратимся в этой связи к исследованиям И. С. Кона.

Образы ребенка в истории: чем он является от природы; чем он должен стать в результате обучения и воспитания? *Традиционный христианский взгляд (кальвинизм):* новорожденный несет на себе печать первородного греха, и спасти его можно только беспощадно

лишением воли, подчинением родителям и духовным пастырям — педагогика — подавление природного начала.

Стиль воспитания социально-педагогического детерминизма: ребенок по природе не склонен ни к добру, ни к злу, а представляет собой чистую доску. А на «чистой доске» общество или воспитатель может написать что угодно. Формирование личности путем направления

Стиль воспитания природного детерминизма: характер и воля ребенка предопределены до его рождения — вульгарная биологическая астрология. Принцип развития природных склонностей и отрицательных проявлений.

Стиль христианско-умилительный взгляд: ребенок рождается добрым, и портится только под влиянием общества. Педагогика — воспитания и невмешательства⁴⁶.

В исторической хронологии можно проследить следующие стили воспитания, полностью зависящие от взглядов общества того или иного времени воспитания.

Стили воспитания

Стиль патриархальный стиль (до IV в. н. э.) — детоубийство.

Стиль кормильчий стиль (IV—XIII вв.). Младенца сбывали кормильцам, в чужую семью.

Стиль опекающий стиль (XIV—XVII вв.). Ребенку уже дозволено эмоциональную жизнь родителей. Ему еще отказывают в полноценном духовном существовании. Если ребенок сопротивляется, его беспощадно бьют, «выколачивая» своеволие как злое

Стиль навязчивый стиль (XVIII в.). Ребенка уже не считают опасным, родители к нему значительно ближе. Навязчивое желание полностью контролировать не только поведение, но и мысли и волю ребенка. Это усиливает конфликты между родителями и ребенком.

Стиль социализирующий стиль (XIX—середина XX в.). Цель воспитания — не столько завоевание и подчинение ребенка, сколько подготовка его воли, подготовка к будущей самостоятельной жизни. Ребенок — объект социализации.

⁴⁴ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на умственное развитие человеческого рода // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 112—113.

⁴⁵ Звегинцев В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира Уорфа // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 117.

б. *Помогающий стиль* (с середины XX в.). Ребенок лучше знает, что ему нужно на каждой стадии жизни. Не стоит дисциплинировать или формировать его личность, сколько помочь индивидуальному развитию. Отсюда — стремление к эмоциональной близости, пониманию, эмпатии.

«Каждому времени свойственны свои представления относительно того, обладает ли человек свободой выбора, или же его поступки детерминированы извне, рационален он или иррационален, способен открыть истину, или ему суждено жить в мире иллюзий. В конечном счете психологии приходится заниматься этими вопросами, чтобы не утратить своего авторитета. Плодотворная психологическая теория способна трансформировать представления общества в целом — как было, например, в случае психоанализа. Однако это может произойти только в том случае, если теории есть что сказать о том, что люди делают в реальных культурно значимых ситуациях»⁴⁷.

Вот что собой представляет психологическая культура как условие деятельности практического психолога. Это значит, что практический психолог — тоже, как говорится, человек своего времени. И то, как он воздействует на людей, какие он применяет психотерапевтические техники, зависит опять-таки от его теоретических убеждений, от образа человека, сложившегося у него. И конечно, по-разному будут относиться к человеку психологи разных взглядов, приверженцы разных теоретических систем. Отношение исповедующего психоанализ, где образ человека — «человек желающий», отличается от позиции сторонника бихевиористической модели, где образ человека — «человек механический, реагирующий», подхода психолога, применяющего когнитивную модель, где образ человека — «человек познающий», не совпадут со стилем последователя гуманистической модели, где образ человека — «человек сочувствующий», и т. д.

Психолог и педагог имеют перед собой живого человека, и между ними стоит его культурно-психологическая концепция, которую он, может быть, даже не осознает. Ведь, фактически, что такое психотерапия? Психотерапия — это формирование у человека, обрившегося за помощью, определенной психологической культуры. У клиента тоже есть стихийные психологические взгляды, психотери-

⁴⁷ Найссер У. Познание и реальность. М., 1981. С. 24.

иодания. Есть образ психолога, который опосредует психотерапевт навязывает клиенту свою концепцию, идеологический, так сказать, взгляд. Возьмем, например, Фрейд: есть он или нет, но он помогает некоторым людям. Или же то, что психоаналитик, перевоспитывает клиента. Он навязывает психоаналитический взгляд на самого себя и на других. Точно так же перевоспитывают клиента и бихевиористы, и все остальные психотерапевты. Они навязывают своему клиенту свое мировоззрение. Если этого нет, если у клиента нет своего культурно-психологического представления (или, разное психологическое мировоззрение), они навязываются.

Иногда происходит это слово — «столковаться», пора сделать шаг к теории культурно-психологического опосредования, связанной с освоением в психологическом плане теоретической относительности. Есть замечательная теория Гумбольдта, идущая еще от Гумбольдта. В ней речь идет о том, говорящий на определенном языке, и мир воспринимается и виден в категориях данного языка. Родной язык — это техническое средство. Это то, что определяет наше отношение к миру. Очень важно понять (сегодня я впервые об этом говорю), существует культурно-психологическая относительность — тот корпус культурно-психологических понятий, посредством которого личность общается и взаимодействует с другой личностью.

Итак, речь — еще о цели деятельности практического психолога. Эта цель заключается в формировании психологической культуры учеников, родителей и через них всего населения. Каким образом? Каким сенатору, заканчивавшему любое свое выступление словами «Карфаген должен быть разрушен!», я опять и всегда говорю и буду повторять: нужна серьезная психологическая культура во всех учреждениях образования. Нужна психологическая культура как учебный предмет, нужно воспитание психологической личности. Думаю, все вместе мы сможем ликвидировать униженную и развиваться униженную и всеобщую психологическую безграмотность.

1.3. Как формируется и как должна формироваться психологическая культура в процессе непрерывного образования

Уровень развития гуманитарной культуры и образования в стране неразрывно связан с общим социально-политическим, социальным и нравственным состоянием общества. Классическим выражением отношения авторитарной власти к общечеловеческим ценностям, воплощенным в культуре, может служить скандальное высказывание одного из фашистских руководителей Рейха: «Когда я слышу слово «культура», я хватаюсь за пистолет». Иными словами: «Тише, ораторы. Ваше слово — товарищ Мавро. Духовное и физическое уничтожение создателей и носителей национальной культуры, гуманистических ценностей — логическое следствие всеобщего сыска и террора, без которых не может существовать авторитарное государство».

Все это предопределяет и отношение власти имущих к психологической культуре, к самой гуманистической из гуманитарных наук — психологии вообще и в частности — к психологии образования народа. Понимание народа как управляемой массы привело к жизни воинствующий антипсихологизм во всех сферах общественной жизни. На уровне самой психологической науки это привело к настойчивым попыткам заменить категории субъективного мира человека «объективными» законами высшей нервной деятельности в их павловско-бихевиористическом варианте, к игнорированию исследований в области внутреннего бытия личности и межличностных отношений, к относительному процветанию разделов психологической науки, занятых частными психическими структурами. Ситуация напоминала (и до сих пор очень похожа) ту, которую, по словам Стефана Цвейга, застал Зигмунд Фрейд в конце XIX столетия: «Всякая душевная неуравновешенность понимается механически, мыслящую эпоху исключительно как перерождение нервов, как болезненное изменение; непоколебимо царит ложное представление о том, что путем все более и более точного познания соответствующих органов на основе опытов с животными удастся когда-нибудь в точности рассчитать автоматику «душевной области» и регулировать всякое отклонение. Поэтому наука имеет своим поприщем психологическую лабораторию: люди думают, что исчерпывающим способом знакомятся с этой наукой, если при помощи скальпеля и пин-

цетом и чувствительного электрического аппарата отменяется сокращение нервов»⁴⁸.

Вряд ли бы привели обширный перечень отрицательных примеров психологической неграмотности. Ограничимся некоторыми более или менее очевидными.

Первое — явный ущерб в развитии внутренней культуры личности, деградация ее психологической культуры в вакууме некоторых теоретиков и практики образования «психологии», религии. Мы не будем здесь специально ставить проблему соотношения двух сфер духовного — науки и религии. Оно (соотношение), разумеется, не сводится к простому ложу хлестких определений типа «Материализм — враг религии» или «Религия — враг науки». Отметим хотя бы такую форму (заповедей, например) облечения традиционной народной психологической культуры, психологии народом до психологов, до возникновения науки — до дифференциации ее на различные дисциплины, в том числе и психологии.

Второе — негативные последствия депсихологизации образования — это, безусловно, можно подразделить на явные, обнаруживающие себя столь непосредственно, что не нуждаются в специальных доказательствах столь очевидные, порой ускользающие, но от этого не менее. К явным относится хотя бы психологическая неграмотность молодежи, охватывающей среднюю и высшую школу. Проявляется в глаза неграмотность в сфере брачно-семейных отношений и воспитания детей. Вероятно, очевидность привела к тому, что в школе появился гибрид «Божьего и дьявола» в виде учебного предмета «Психология и этика отношений». Мы в свое время сравнили этот Предмет с морально страшным существом, во-первых, не свинка, а во-вторых, не свинка.

Третье — предмету определенно и преподавательский корпус: в среде учителей здесь выступали недогруженные своими предметами отважные преподаватели иностранных языков, математики и т. д. Они паивно полагали (многие и до сих пор полагают), что сложнейшую науку можно преподавать на базе

опыта собственной семейной жизни и общей эрудиции. А то ввел этот курс в школьную программу, не подумали о том, что она опрометчиво пытается строить здание, начиная с крыши. И начинать курс сразу со сложнейшей области психологии, с ее «высшей математики».

Иногда говорят: все же лучше, чем ничего. Хуже. Во-первых, потому что дилетантство и примитивизм засоряют сознание учащихся семенами полужнания и псевдонаучных рассуждений; во-вторых, потому что профанация компрометирует психологию, выдавая желаемое за подлинное. В-третьих, все это порождает иллюзию присутствия психологии в среднем образовании. Это соображение актуально и в отношении других попыток преподавать «что-то из психологии» без психолога. Имеются в виду курсы «Человек и государство», «Основы выбора профессии» и т. д., с одной стороны, и преподавание психологических знаний о профессиях — с другой. Благодаря подобному «обучению» невозможен сколько-нибудь осознанный выбор детьми, молодежью этих самых профессий, выбор жизненного пути.

Упомяну далее некоторые не столь очевидные отрицательные последствия депсихологизации образования. Общим местом в педагогике стал призыв сочетать воспитание, под которым понимается прямое воздействие (может быть, точнее вторжение?) взрослого на внутренний мир подрастающего человека с целью сформировать его по своему образцу и подобию, с самовоспитанием.

Иными словами, предполагалось (и предполагается до сих пор), что хорошее воспитание способно сформировать у воспитываемого стремление и умение развивать самого себя по собственной программе. Но как раз эта задача не может быть решена без формирования психологической культуры в процессе психологического образования. Способность к самовоспитанию, иначе говоря, к автономному управлению своим развитием предполагает два основных условия, которые, по моему взгляду, в наиболее четкой форме содержат основную концепцию психологической культуры, психологического образования.

Первое условие: подрастающий человек должен получить первоначальные знания об «устройстве» своего собственного внутреннего мира, способные стать базой его психологического тезауруса. Без усвоения системы психологических понятий человеку просто «не думать» о собственной личности, о своей эмоционально-волевой сфере, о собственной познавательной деятельности, индивидуальности

личности и т. д. Разумеется, для того, чтобы эти знания «работали» на самопознание, они должны быть не только преподааны, выработаны и усвоены. Интегрированы в психические знания в структуру личности, их мотивационно-потребностную и когнитивную функции должны быть активны лишь при определенных методологических условиях преподавания психологических знаний. Пока не используется словосочетание «предметная линия учебного предмета»).

Второе условие, если можно так выразиться, обеспечение усвоения психологических знаний, которые усваивает человек. Следует совершить решительный переход от пассивной к рефлексивно-деятельной форме психологии. На уровне содержания и методологии это означает необходимость решения неразрывно связанных между собой прежде всего, умение вызывать у развивающейся личности интерес к собственному внутреннему миру, реализации стремления к самопознанию, рефлексии, самоисследованию. Стремление к самоизучению необходимо обеспечивать способами рефлексивной деятельности, способствующими человеку прислушиваться к себе, сосредоточиваться не только на окружающей действительности, но и на собственных переживаниях, мыслях, воспоминаниях. Иными словами — сформировать у подрастающего человека умение действовать во внутриличностном пространстве. Именно потому, что мы называем психологической деятельностью примера отсутствия у современных подростков способности понять и адекватно описать даже собственные переживания, говорить факт, неоднократно отмеченный нами в беседах с бывшими школьниками в зоне чернобыльского бедствия, — не малолетние пациенты часто не умели распознать своих недугов и заболеваний. Психологи, оказавшиеся в числе жертв чернобыльской катастрофы, не имели у своих подопечных крайне узкий спектр вербализации внутриличностного познания; они были не в состоянии сказать, где и как у них болит.

Второе условие, что решение задач формирования психологической культуры должно осуществляться в соответствии с этим предмету методическим подходом, о котором разговор в следующем разделе.